
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

В. В. ДУБОВИЦКИЙ

РОССИЯ В СРЕДНЕАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ: ТРИ ВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Изменение вектора российской внешней политики с однозначно прозападного на евразийский, произошедшее в первые годы XXI в., с особой остротой ставит вопрос о месте во внешней политике стран Среднеазиатского региона. В ближнем зарубежье пять государств (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан и Туркменистан) занимают очень своеобразное геополитическое положение, связанное во многом с историей взаимоотношений их народов с Россией (в наибольшей степени) за последние три века. Первой и главной его особенностью стал поступательный и разнохарактерный процесс вхождения региона в состав России, охвативший период без малого в двести лет (1700–1895 гг.). Начнем с того, что подавляющая часть региона вошла в состав Российского государства по просьбе народов, его населяющих. Избегая обвинений как со стороны представителей возрожденческих этнических движений Средней Азии («русские нас завоевали»), так и российских западников-модернистов («собрали их на свою голову, столько средств потратили на неблагодарных»), приведем основные факты этого процесса, которые многое разъяснят.

Попутно следует условиться об изначальной исторической корректности оценки самих фактов добровольного присоединения тех или иных этносов, государственных образований, отдельных территорий или населенных пунктов. Ссылки на то, что азиатские владыки в те времена не спрашивали у народа его мнения, явно несостоятельны и ставят под сомнение любое историческое событие, в том числе и новейшей истории, которая дает нам постоянные

примеры несогласованности действий властвующих элит и мнения народа, ими управляемого. Для того, чтобы окончательно не запутаться в мотивах, настроениях и реальных действиях, придется признать, что решение власть предержащих той или иной страны было выражением воли народа (кроме тех случаев, когда такие решения вызывали исторически зафиксированные протестные действия: бунты, восстания, коллективные петиции на имя властей и т. д.).

Многое становится ясным, если вначале вспомнить о причинах присоединения региона к России. Основной целью внешней политики России петровского времени была борьба за выход к морям, на широкие торговые и морские пути. По нашему мнению, борьба за выход к утраченным еще в период Киевской Руси побережьям Балтийского и Черного морей, которая началась при Иване IV в ходе Ливонской войны 1558–1583 гг., была попыткой восстановления меридианального водного пути «из варяг в греки», являвшегося важнейшим элементом вступления Русского государства в мировую историю.

Главной причиной военных и дипломатических усилий Петра I на юго-восточном (каспийско-среднеазиатском) направлении, предпринятых уже в разгар Северной войны со Швецией, было сложное военно-политическое положение, создавшееся на Северном Кавказе и в Прикаспии. Россия в этот период в геополитическом плане была легкоуязвима с юго-востока вследствие ряда неблагоприятных условий, главными из которых были:

а) незащищенность границ ввиду отсутствия естественных преград и слабости искусственных оборонительных сооружений;

б) необеспеченность тыла ввиду наличия протурецких настроений среди известной части тюркско-мусульманской знати, состоящей в российском подданстве;

в) состояние непрекращающейся войны между Россией и порубежными ее соседями, в большинстве своем мусульманами тюркского происхождения, состоящими в персидском и турецком подданстве.

Еще одной причиной активизации российской политики в регионе стал стремительный рост промышленности, торговли и огромные военные расходы России в начале XVIII в., резко увеличившие потребности страны в серебряной и золотой монете. Поэтому начиная

с 1714 г. правительство Петра стало принимать энергичные меры к изысканию и разработке золотых и серебряных месторождений в Сибири и на Урале. Одновременно царь поставил вопрос о развитии торговых отношений со странами-производителями и экспортерами драгоценных металлов – Испанией, Индией и среднеазиатскими ханствами – Хивой и Бухарой. В связи с этим главной целью активизации политики России в Средней Азии стало обеспечение водного (по Каспийскому морю и р. Амударье) пути в Индию в целях торговли. Последовательно продолжая геополитическую линию на восстановление меридионального пути «из варяг в греки», начатую еще Иваном IV, Петр I понимал, что южное его окончание продолжает контролироваться мощным врагом России – Османской империей: овладение Азовом (1699 г.) фактически ничего не давало стране. В этих условиях Петр I принимает решение о смещении южной оконечности меридианального пути восточнее – в бассейн Каспийского моря, что, по его мнению, в сочетании с восстановлением водного пути по Узбою сразу давало стране стратегический прорыв в выходе к «теплым морям» – непосредственную связь с Индией.

Последующие события показали, что путь в Среднюю Азию с побережья Каспия является чрезвычайно затруднительным, а водный – попросту тупиковым, фантастичным. В итоге сразу после неудачи посольства А. Бековича-Черкасского в 1717 г. на «каспийском» направлении контактов со Средней Азией, предпринятых Петром I в 1700–1717 гг., происходит стратегический откат, выразившийся в ликвидации крепостей и пунктов базирования флота на полуострове Мангышлак и в Балханском заливе («Красные воды»), основанных для обеспечения именно этого направления в 1714–1715 гг. Тем не менее, концепция водного пути в Индию еще долгие годы оставалась привлекательной в геополитических планах России в отношении Средней Азии и исчезла только в конце XIX в. после уточнения географической картины Памира, Афганистана и Северной Индии.

В 1722 г. Петром I высказывается обоснование «северного» направления в геополитическом продвижении в Среднюю Азию – избирается вариант протектирования территории, лежащей на пути к государствам региона. Фактически политическая форма решения

не отличалась от практиковавшегося в 1700–1703 гг. протектирования Хивинского ханства и намеченного в 1714 г. подобного же решения по Бухарскому ханству. Но планировалось оно уже в традиционных формах территориально непрерывной геополитической экспансии, характерной для Московского государства XV–XVII вв. Однако реализация данной концепции Петра I происходила после смерти императора (1725 г.) при его ближайших преемниках, в первой трети XVIII в., с территории Южного Урала. Признанным исторической наукой событием, открывающим процесс присоединения Среднеазиатского региона к Российскому государству, считается обращение хана Малой казахской орды (жуза) Абулхайра о подданстве возглавляемого им родового объединения, адресованное императрице Анне Иоанновне. Можно согласиться с таким мнением, если не считать свершившимся фактом уже упомянутое присоединение в 1700 г. к Российской империи Хивы.

Во второй половине XVIII в. следует отметить некоторое торжество в интенсивности отношений России со Средней Азией, что, на наш взгляд, происходило из-за общей европоцентристской ориентации русской внешней политики этого периода.

Геополитическая ситуация на Евразийском континенте во второй половине XVIII – начале XIX в. была отмечена фактором усиления русско-английских противоречий в Средней Азии и характеризуется активным проникновением Англии вглубь региона Среднего Востока, известным как реализация «стратегии анаконды». С начала XIX в. Средняя Азия становится полем нарастающего геополитического соперничества между Англией и Россией, первая из которых рассматривает регион в качестве:

а) буферной зоны между Российской империей и Британской Индией;

б) рынка сбыта товаров английской промышленности.

В 1840-х гг. в государственной политике России на юго-востоке происходит переход к мероприятиям по «выдвиганию границ» для контроля безопасности на степном пространстве Средней Азии. Таким образом, происходит процесс постепенной трансформации методов геополитического контроля над пространством региона: от протектирования казахских родов и родовых объединений (жузов) к постепенному внедрению центральной власти путем строительст-

ва на караванных трассах военизированных укреплений и массовому вовлечению казахов в орбиту экономических интересов России. Комплекс военно-политических мероприятий русского правительства, проведенных на протяжении 40–60-х гг. XIX в., привел к полному контролю над центральной и южной частью Киргизской степи (Казахстаном) и вплотную пододвинул границы страны к земледельческой зоне Средней Азии. Меры, предпринятые в названный период, привели к полному прекращению набегов кочевников на приграничные районы России и соответственно к прекращению работорговли российскими подданными. Благодаря перечисленным мероприятиям был достигнут еще один важный результат: внутреннее примирение казахских родов. Так, в начале 50-х гг. XIX в. заключили мир враждовавшие между собой многие поколения роды чиклинцев, каракесеков и джагалбаев, чем была достигнута стабилизация обстановки и безопасность караванных путей на пространстве между Оренбургской линией и северо-восточным побережьем Аральского моря.

1830–1860-е гг. XIX в. характеризуются мощной широтной экспансией Англии на Среднем Востоке и противодействием России уже на подступах к Средней Азии – в Афганистане и Иране, а также попытками формирования антироссийской военно-политической коалиции из среднеазиатских государств и племенных объединений. Проблема противодействия английской экспансии в Средней Азии еще более остро встала в 1857 г. в связи с подготовкой Англией вторжения в Персию.

Перед правительством России, и прежде всего ее военным руководством, встал вопрос об организации стратегической обороны на юго-восточном направлении с целью отсекающего развития геополитической экспансии основного европейского противника на юге Евразии. Геополитическая целесообразность диктовала России необходимость создания барьера:

а) путем непосредственного присоединения конкурентной территории;

б) с помощью создания на пути английской экспансии буферных зон и государств.

В 50-х – начале 60-х гг. XIX в. основным направлением противодействия английской экспансии становится первый из перечисленных путей. По нашему мнению, происходит это прежде всего потому, что создание буферной зоны из племенных союзов туркмен, оказавшихся в наибольшей близости от территории, непосредственно контролируемой англичанами на Среднем Востоке, было неэффективно прежде всего из-за слабости и политической неустойчивости этих объединений. Кроме этого, постоянные конфликты с Кокандским ханством, возникавшие из-за набегов на кочевья находящихся в российском подданстве казахов, ускорили решение вопроса о соединении Оренбургской и Сибирской пограничных линий. По мнению правительственных кругов, в этом случае «Россия сократит протяженность своих границ и в случае европейской войны, владея в Коканде, будет постоянно угрожать Ост-Индским владениям Англии. Только здесь мы и можем быть опасны для этого нашего врага» (Белявский 1904: 8).

Таким образом, необходимость воздействия на дальний, уязвимый фланг своего европейского противника в условиях, когда Россия имела несомненные преимущества как континентальная держава, располагавшая мощной сухопутной армией, имевшей богатый опыт боевых действий в степной и пустынной местности, явилась главным геополитическим фактором дальнейшего продвижения в Среднюю Азию.

Необходимо отметить, что в продвижении России в Среднюю Азию огромную, а подчас и решающую, роль играл ландшафтно-географический фактор, но за редким исключением это не учитывается при анализе исторических событий. Геополитическая методология позволяет восполнить этот пробел. Необходимо помнить, что Россия с XVI в., с момента присоединения Астраханского ханства, а затем и разгрома Сибирского (Ногайского) царства, на своих юго-восточных рубежах выходит к полосе степей, с древности известных под персидским названием Дашти-Кипчак (Киргизская степь, Казахстан), протяженностью в 6,5 тыс. км, протянувшихся от дельты Волги до Алтая. Весь этот новый рубеж практически не имеет природных преград, способных служить эффективной защитой от постоянных набегов кочевников. Поскольку разбой на караванных путях и промысел рабов были практически «отраслью эко-

номики» кочевников, речь шла не просто о фиксации пограничной линии для бесконфликтной хозяйственной деятельности и даже не об охране границы от контрабанды, а об обороне рубежей, к чему в основном и свелась большая часть пограничных взаимоотношений со Среднеазиатским регионом на протяжении более чем трехсот лет. Так, невозможность контролировать мир и безопасность границ и проходимость караванных путей в Среднюю Азию в XVIII – начале XIX в. привела в конце концов к переходу от политики опосредованного контроля над киргиз-кайсацкими жузами через систему выборных султанов и летучих отрядов к выдвиганию в степь крепостей и опорных пунктов, соединению их в «линии», «дистанции» с целью выведения беспокойного политического элемента в тыл страны, равно как и для прекращения доступа к нему сил, Россией не контролируемых, – хивинцев, кокандцев, английской агенты. Такая концепция в российской среднеазиатской политике становится преобладающей в 1842–1853 гг.

Ландшафтно-географический фактор также выступает в качестве приоритетного в декабре 1863 г., когда правящие круги России принимают решение о соединении Оренбургской (в ее Сырдарьинской части) и Сибирской пограничных линий, расположенных в безводной полупустынной местности. Вследствие такого расположения продовольственное, а подчас и фуражное, снабжение войск производилось по коммуникациям протяженностью до тысячи и более километров с Южного Урала, Сибири и Нижнего Поволжья.

Необходимость окончательного определения южной границы государства в Средней Азии в плодородных оазисах неоднократно доказывалась военными и гражданскими авторитетами России XIX в. В частности, на это указывалось на совещании командования войск Оренбургской и Сибирской линий в форте Перовский 31 августа 1861 г. Здесь отмечалось, что занятие плодородных оазисов в районе Ташкента, Туркестана и других кокандских городов создаст необходимые условия для продовольственного снабжения русских войск на Сырдарьинской части Оренбургской пограничной линии, расположенной в полупустынных районах (Серебренников 1908: 201). На влияние ландшафтно-географического фактора указывает и военный историк В. Водопьянов: «Прежде всего, завоевание городов Туркестана и Ташкента явилось очевидной необходимостью

не только для прочного соединения Сибирской и Оренбургской линий, но и в экономическом отношении, ибо присоединение такого богатого края, как Туркестан и Ташкент, могло доставить России большие средства; оставаясь же на Сыр-Дарье, мы владели бы самой бесплодной, самой бедной местностью Азии, тогда как по соседству – богатый край, изобилующий дарами природы. К сожалению, политическое и финансовое положение России того времени не позволяло предпринять решительное наступление против Коканда, и мы на время затихли» (Водопьянов 1996: 17–18). Еще более определенно на данный геополитический фактор указывает другой военный историк прошлого века, генерал-лейтенант М. А. Терентьев: «Ближайшее ознакомление с проектированной границей указывало, что Каратаусский хребет, служа естественной границей, нисколько, однако же, не облегчал дела, так как сообщения между отрядами и снабжение их запасами было бы крайне затруднительно, а северные склоны хребта, к тому же, весьма небогаты водой. Поэтому признано было необходимым утвердиться по реке Арысу (Арыси. – *В. Д.*) и занять крепость Чимкент, расположенную на соединении путей из Коканда к нашим границам и владеющую, таким образом, узлом важных торговых путей, ведущих от наших границ к Бухаре, Коканду и Кульдже» (Терентьев 1906: 278).

Таким образом, определение южной границы России в Средней Азии на протяжении 60-х гг. XIX в. в значительной степени было связано с ландшафтно-географическими факторами, что в сочетании с определенной политической ситуацией в Европе и событиями в приграничных с Кокандским и Хивинским ханствами зонах повлекло за собой наступление русских войск на территорию земледельческих оазисов Средней Азии. Ландшафтно-географический фактор явился, таким образом, не главной причиной, но пусковым механизмом военной кампании 1864–1865 гг.

Осуществление планов установления новой границы, принятых 20 декабря 1863 г., ярко демонстрирует переход к новому этапу построения геополитической системы России и является ключевым во всех дальнейших событиях в Средней Азии по изучаемому в данной работе вопросу.

Главным геополитическим итогом двух военных кампаний России в Средней Азии в 1864 и 1865 гг. стало проникновение в новое

для нее геокультурное пространство древних земледельческих культур персоязычных народов. В зоне влияния России оказалась достаточно обширная земледельческая полоса в среднем течении р. Сырдарья с городами Туркестан, Чимкент и рядом мелких оазисов нынешнего Южного Казахстана. В июне 1865 г. под контролем России оказался богатейший оазис Средней Азии – Ташкентский, что открыло возможность политического контроля над Ферганской долиной, а также создало предпосылки к выходу в Центральный и Южный Мавераннахр. Исходя из взглядов правительственных кругов России на территориальные приобретения в Средней Азии, можно предположить, что этот процесс прекратился бы уже летом 1864 г. после присоединения Чимкента, но русское правительство не учло, что имеет дело уже не с родами кочевников-казахов, а с устойчивыми феодальными государственными образованиями земледельческих народов, имевшими четко фиксированную территорию (во всяком случае, давнее «государственное ядро»), исторические традиции государственности, престиж в мусульманском мире. Окончить войну здесь, на том рубеже, где хотелось бы МИДу России, ее военные попросту не могли: ни Коканд, ни Бухара не желали считать навеки утраченными богатейшие оазисы Чимкента, Туркестана, Ташкента, и непосредственные воинские начальники, «ближайшему усмотрению которых был представлен способ исполнения предприятия», были вынуждены продолжать войну, занимая очередной центр коммуникаций, стратегически важный мост или перевал. То есть война в Средней Азии, начавшаяся как «степная» за контроль над полупустынным пространством, все более превращалась в войну до капитуляции, разгрома враждебного государства или основных сил его армии, как это обычно было в европейских кампаниях.

Подписание между Россией и Бухарским ханством мирного договора от 18 июня (по другим источникам – 23 июня) 1868 г. (так называемого «прелиминарного», то есть предварительного) сыграло важную роль в установлении мира в регионе и, что особенно важно, в становлении системы протекторатов. Вторым важнейшим документом в этой сфере стал «Договор о дружбе между Россией и Бухарским ханством», подписанный в Шааре 28 сентября 1873 г. Еще два документа: «Протокол дополнительных правил»

от 23 июня 1888 г. и «Правила об управлении, хозяйстве и благоустройстве поселений близ железнодорожных станций Чарджуй и Бухара» (Национальная политика... 1997: 219–224) – касались включения территории ханства в транспортную инфраструктуру России. Всего с 1868 по 1896 гг., учитывая и «прелиминарный» договор, между Россией и Бухарским ханством было подписано восемь договоров и отдельных соглашений.

Огромное значение для включения протектората в военнополитическую и экономическую систему сюзерена сыграла прокладка через территорию Бухарского ханства Среднеазиатской железной дороги, строительство которой было начато на восточном побережье Каспийского моря в 1880 г. Названная дорога с самого начала была спланирована в качестве стратегического пути снабжения русских войск, направляемых для присоединения Ахалтекинского оазиса с целью выхода к зоне влияния Великобритании в Афганистане и противодействия ее дальнейшему продвижению в Среднюю Азию (Терентьев 1906: 4). К 1915 г., когда эта дорога была проложена с одной стороны – до Ферганской долины, с другой – до укрепления Термез, она превратилась в важнейший рокадный путь для вооруженных сил России в защите теллурократических интересов на юге Евразии.

В 1886 г. благодаря учреждению в ханстве Политического агентства взаимоотношения между Россией и Бухарой были подняты на новый уровень.

Несколько иной по сравнению с Бухарским ханством была судьба создания и функционирования двух других среднеазиатских протекторатов – в Хивинском и Кокандском ханствах. Однако и их протектирование сыграло положительную роль в структурировании новых геополитических отношений в регионе.

Таким образом, протекционистская политика России в Средней Азии, проводимая в период с 1868 по 1917 гг., была направлена на достижение вполне конкретного геополитического результата: обеспечение политического контроля и экономического использования ресурсов региона с минимальными затратами на административную деятельность и без создания конфликтных ситуаций с главным талассократическим противником – Великобританией. Необ-

ходимо признать, что за сорок девять лет существования этой системы она продемонстрировала свою эффективность прежде всего в плане политическом и в гораздо меньшей степени – в области экономики.

В ходе присоединения Средней Азии к России было достигнуто решение одного из самых острых и запутанных вопросов мировой геополитики XIX в., связанного с контролем над стратегически важным пунктом Среднего Востока – Памирским нагорьем. Геополитическое значение Памирского нагорья во многом связано с уникальным расположением этого горного узла, являющегося центром схождения ряда крупнейших горных систем Евразии. Горные хребты, пересекающиеся на Памире, тысячелетиями являлись не только естественными преградами для полноценных торгово-экономических связей или труднопреодолимыми рубежами защиты от вражеских вторжений, но гораздо большим – водоразделом между цивилизациями, в частности мусульманской и конфуцианской. Характерно, что сравнительно небольшой ареал первой из них, расположенной в Кашгарии и Джунгарии (Восточный Туркестан, Малая Бухара), то есть территории нынешнего Синьцзяна, выходит за пределы горных барьеров Памира и примыкающего к нему Тянь-Шаня, ограничивающих с северо-востока распространение мусульманской цивилизации. Результатом этого стал перманентный геополитический конфликт в этом ареале, происходящий с момента исламизации Средней Азии (Абылхожин и др. 1998: 75). Особая роль Памира в геополитической системе Евразии подчеркивается и современными геополитиками, указывающими, что «сама Горно-Бадахшанская область имеет глубокий геополитический смысл... Поэтому религиозная специфика Бадахшана и его стратегическое положение дают возможность heartland'у активно участвовать в решении важнейших геополитических проблем, которые сходятся как раз в этой области» (Дугин 1997: 357–358).

Временем появления «памирского вопроса» можно считать 1876 г., то есть момент ликвидации Кокандского ханства, в состав которого и входила территория Восточного Памира. Понимая огромное стратегическое значение Памира, являющегося пересечением горных путей не только на территорию Сарыкола и в Ладакх, но

и в Кашгарию и «афганский» Бадахшан, Великобритания в начале 80-х гг. поддержала претензии Китая на территорию Памира в целях создания буферной зоны между Россией и Британской Индией. Во второй половине 1883 г. происходит и оккупация Горного Бадахшана афганскими войсками.

В сложившейся обстановке Россия была вынуждена реагировать вводом на Памир в 1891–1892 гг. своих войск и созданием в 1892–1895 гг. системы пограничной охраны с Китаем и Афганистаном по Сарыкольскому хребту и р. Пяндж.

Таким образом, можно сказать, что активное продвижение России в регион Средней Азии, начавшееся в конце 30-х гг. XIX в., было вызвано обеспечением безопасности границ и караванной торговли и касалось первоначально только степных пространств нынешнего Казахстана. Присоединение земледельческих оазисов Средней Азии в 60-х гг. XIX в. было связано в основном как со стремлением занять более выгодные в оперативно-тактическом плане пункты и природные рубежи в борьбе со среднеазиатскими акторами, так и со стратегическими целями создания угрозы уязвимому флангу (Британская Индия) основного геополитического противника России – Англии. Второй из перечисленных факторов постоянно возрастал в связи с активизацией британской политики на юге Евразии во второй половине XIX в.

В земледельческой зоне Средней Азии Россия стремилась к минимизации приобретения территорий, предпочитая установление политического контроля над государственными образованиями, для чего была избрана форма протектирования, показавшая в целом хороший результат в российско-среднеазиатском геополитическом взаимодействии.

Таким образом, в период 1864–1895 гг. во внешнеполитическом курсе Российской империи сформировался вполне определенный российско-среднеазиатский вектор, благодаря чему страна непосредственно соприкоснулась своими территориями (Туркестанское генерал-губернаторство) и территориями своего сателлита (Бухарское ханство) с зоной влияния своего главного талассократического противника на планете – Великобритании. С начала своего продвижения на юго-восток, начатого еще в XVI в., Россия впервые на этом направлении вышла на границы стран со стабильной государ-

ственной структурой, а не руководимых династиями кочевников. Это, наконец, принесло стабильность границам, а значит, и прекратило дальнейшее движение в этом направлении. Важнейшим фактором в завершении формирования российско-среднеазиатского вектора теллурократической геополитики было и то, что в своем продвижении Россия достигла историко-культурного ареала наиболее стабильного и родственного ей в культурном, историческом и мистическом плане элемента в регионе – иранского (как в лице таджикского населения Средней Азии, так и Ирана в Закаспийской области).

Геополитическая экспансия России в XIX в. и включение иранского элемента в ее геополитическую систему последующих 140 лет дало ему если не новый пассионарный толчок, то «пассионарную отдушину». Россия представляла собой для него родственный фактор, опирающийся на оседлую земледельческую традицию: для иранского элемента это было не разрушение ландшафта, а его поддержка. Для кочевого мира – наоборот.

В случае продолжения развития России по прежнему, имперскому, пути опора на тюркизированное (сарты) и таджикоязычное оседлое население в Средней Азии, по-видимому, привела бы к доминированию иранского этнического элемента. Если учесть при этом мнение МИДа России, высказанное в 1872 г., о том, что рубеж по рекам Пянджу – Амударье является временным и что в дальнейшем «неизбежно придется приискать другую, более рациональную границу, примкнуть ее к более прочному рубежу (а такой рубеж в рассматриваемой части Средней Азии есть только Гиндукуш, этот главный водораздел между речными системами Амударьи и Инда)» (АВПР: Л. 65), то Россия была склонна принять наиболее правильное геополитическое решение. Со всей условностью исторических допущений можно лишь сожалеть о том, что политические реалии того времени не позволили включить в зону влияния России запланированную первоначально по русско-английскому соглашению 1869–1873 гг. территорию, то есть пространство нынешних северных провинций Афганистана. В этом случае в зону влияния России попадала бы подавляющая часть таджикского населения региона, что позволило бы при благоприятных историче-

ских условиях создать гораздо более мощное, чем в настоящее время, таджикское национальное государство.

* * *

Рассмотрение вопросов геополитического взаимодействия между Россией и Средней Азией в период 1917–1991 гг. чрезвычайно затруднительно из-за характера самого государственного образования, каковым являлся Советский Союз, бывший по сути дела унитарным государством. По мнению многих современных исследователей, в Советском Союзе экономические взаимоотношения «центр – периферия», в том числе Россия – Средняя Азия, не укладывались в стандартную схему «метрополия – колония» (Постсоветская... 1998: 10). Не укладывались в эту стандартную схему и геополитические взаимоотношения. Здесь скорее уместно говорить об участии многонациональной правящей элиты СССР, в том числе и среднеазиатской, в советской геополитике в целом.

Переходным к этому состоянию можно считать короткий период после Октябрьской революции до момента образования в 1922 г. Советского Союза, когда в условиях Гражданской войны и иностранной военной интервенции окраины бывшей Российской империи оказались в неопределенном геополитическом состоянии относительно бывшего государственного центра.

В 1918–1919 гг. поражение коммунистических восстаний в Германии и Венгрии, а также реалии Гражданской войны в самой России заставили большевистское руководство страны обратиться к геополитическому анализу ситуации. Так, в меморандуме председателя РВСР от 20 сентября 1919 г. дается общий план военно-политических мероприятий на Среднем Востоке, главной целью которого является уничтожение стратегической сырьевой базы стран Антанты: «Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в советскую Венгрию. Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию народных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может такая армия, которая на европейских весах сейчас еще не может иметь крупного значения... Между тем, международная об-

становка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии. Необходимо сосредоточить где-нибудь на Урале или в Туркестане революционную Академию, политический и военный штаб азиатской революции, который в ближайшее время может оказаться гораздо дееспособней 3-го Интернационала. Нужно уже сейчас приступить к более серьезной организации в этом направлении и сосредоточению необходимых сил лингвистов, переводчиков книг, привлечению туземных революционеров – всеми доступными нам средствами и способами. Ареной близких восстаний может стать Азия. Наша задача состоит в том, чтобы своевременно совершить необходимое перенесение центра тяжести нашей международной ориентации... Во всяком случае, европейская революция как будто отодвинулась. И что уже совершенно вне сомнения – мы сами отодвинулись с запада на восток» (Троцкий 1990: 12).

Таким образом, теллуократическая геополитика исторической России (превратившейся в 1917 г. в Советскую Россию) приобрела новый идеологический мотив и стала на короткое время более агрессивной, чем у Российской империи. Здесь правомерна параллель с геополитической ситуацией, подвигшей Россию на более активную политику в Средней Азии после неудачных результатов Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. В планах Л. Д. Троцкого видна прямая преемственность геополитических шагов, совершенно не зависящих от смены идеологии и несхожести исторических условий. Средней Азии в геополитической линии Советской России отводилась важная роль военно-политического плацдарма в борьбе за Восток. Для обеспечения заявленных целей руководством Советской России в 1918–1922 гг. был предпринят ряд шагов по ликвидации неподконтрольных Москве территориальных автономий: в сентябре 1920 г. в результате военной операции на территории Бухарского ханства была образована Бухарская Народная Демократическая Республика, являвшаяся «красным протекторатом» Советской России. В феврале 1920 г. советской республикой становится и Хивинское ханство.

Использование доктрины мировой революции в отношении Востока привело к тому, что в мае – июне 1920 г. на территории

Персии (в Гиляне. – В. Д.) была организована Персидская Социалистическая Советская Республика, создан Совет Народных Комиссаров, обнародована программа новой власти. Инспирированное из Туркестана революционное движение в Гиляне вскоре выродилось в междоусобицу и потерпело поражение; та же судьба ожидала и многочисленные группы «азиатских революционеров», созданные в Афганистане, Синьцзяне и других странах Востока и подчиненные Турккомиссии, Туркбюро и Кавказбюро.

Таким образом, хотя новой власти и не удалось превратить Среднюю Азию в «базу мировой революции» для зарубежного Востока, однако на протяжении 1918–1920 гг. геополитический контроль центра над регионом был полностью восстановлен.

Одним из главных геополитических шагов, предпринятых центральной властью СССР по согласованию с местными национальными партийными элитами Средней Азии, было проведение в этот период на территории региона национально-территориального размежевания. С достаточной полнотой и убедительностью этот сложный и многообразный в своих долгосрочных последствиях процесс показан в серии работ на эту тему академика Р. М. Масова. Пантюркистские силы Средней Азии, «убедившись на опыте в невозможности осуществления национальной автономии тюркских народов Средней Азии вне советской власти, решили сделать установленную штыками Красной Армии власть орудием национального самоопределения только лишь для мусульман-тюрков» (Масов 1991). Есть серьезные основания считать, что дискриминация в отношении таджикского населения, проявившаяся в ходе национально-территориального размежевания, была частью спланированных международных действий, направленных на ослабление теллурукратического влияния в регионе. Разделение территории Средней Азии по национально-территориальному принципу одновременно с доминированием в руководящих кругах Туркестанской Республики пантюркистских элементов привело к тому, что оседлый ираноязычный этнический компонент – таджикский – получил крошечное экономически слабое квазигосударство, не позволяющее ему в последующие годы существования СССР развить дос-

тойные его геополитической роли культуру и экономику (Постсоветская... 1998: 272).

Территория Средней Азии была использована в 1929 г. в качестве плацдарма для проведения военной операции в Афганистане в ходе восстания Бачаи Сакао.

Важную геостратегическую роль Средняя Азия сыграла в период Великой Отечественной войны. Регион послужил базой действия советских войск в Северном Иране (провинции Хорасан и Гилян) в целях обеспечения переброски через эту страну англо-американской помощи для СССР.

Большинство современных исследователей оценивают сам факт ввода советских войск в Афганистан как необходимый с геополитической точки зрения шаг, сделанный для предотвращения широтной экспансии США в регионе Среднего Востока, вызванной серьезным поражением талассократических сил в результате иранской революции 1979 г. Однако геополитические потери, понесенные Советским Союзом на Востоке сразу после введения войск и заключавшиеся в падении престижа страны, прежде всего в исламском мире, последовательно увеличивались на протяжении всех 80-х гг. В связи с войной в Афганистане в противодействии советской геополитической линии объединились самые разнообразные силы: талассократические, проамериканские Пакистан, Саудовская Аравия, Египет, с одной стороны, и эвентуальные теллурократические союзники – Иран и Китай – с другой. Одним из наиболее серьезных долговременных последствий ухудшения отношений со странами Востока стали усиливающаяся политизация ислама и появление исламского экстремизма на территории Средней Азии. Таким образом, ситуация вокруг Афганистана явилась мощным катализатором развития центробежных тенденций в Среднеазиатском регионе. Облеченные в основном в религиозно-возрожденческую форму, они на протяжении 80-х гг. набирали все большую силу во всех республиках Средней Азии.

В целом вывод советских войск из Афганистана в 1989 г., а вскоре и сформировавшееся в российских правительственных кругах политическое безразличие к этой стране стали проявлением целого направления в «перестроечной» политике СССР, а затем Рос-

сийской Федерации, приведшей к геополитическому откату от своих позиций на юге Евразийского континента. Вместе с тем народы Средней Азии за годы Советской власти не только сумели сохранить свою культурную самобытность в рамках СССР, но и в значительной степени развить ее на европейской модернистской основе исторической России, что позволило после декабря 1991 г. создать здесь пять достаточно современных аграрно-промышленных и аграрных государств, имевших на мировой арене хорошие стартовые возможности.

Последнее десятилетие XX в. для человечества ознаменовалось очень серьезными геополитическими трансформациями, произошедшими прежде всего из-за развала СССР. Для юга Евразийского континента названная трансформация была очень болезненной, так как, коснувшись первоначально социальной структуры и экономики стран региона, вскоре вызвала и острые общественные конфликты, имевшие характер межгосударственных (Нагорный Карабах) или гражданских (Таджикистан, Абхазия, Приднестровье, Югославия, Чечня) войн.

Основными мировыми центрами силы, заявившими свою активную геополитическую позицию в регионе, в этот период стали: Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки (в основном через свою геополитическую креатуру на Ближнем и Среднем Востоке: Турцию, Саудовскую Аравию, Пакистан), Китайская Народная Республика, Исламская Республика Иран.

По мнению представителей теории атлантизма и ее последователей, на юге континента Турция, Иран и Пакистан неожиданно обрели защиту от России благодаря появлению ряда новых «буферных» государств. Это укрепило барьер, отделяющий Россию от южных портов, к которым она стремилась, а следовательно, и от положения «сверхдержавы». «В отношении Центральной Азии у представителей классического атлантизма существовали сильные опасения, что СССР пойдет на отказ от прямого политического контроля над некоторыми среднеазиатскими республиками в обмен на создание с Афганистаном, Ираном и Индией (возможно, Китаем) мощного стратегического антиамериканского блока, ориенти-

рованного внутриконтинентально» (Геополитические проблемы... 1993: 24).

После 1991 г. развитие ситуации в Средней Азии вполне укладывается в «пессимистическую» схему идеологического преемника Н. Спикмена – Самуила Хантингтона, предвещающего столкновение цивилизаций, которое произойдет после исчезновения идеологических противоречий «Восток – Запад». В качестве наиболее вероятных противников Запада Хантингтон указывает Китай и исламские государства, в частности Иран, и предлагает для укрепления позиций Запада:

– ограничить военную экспансию конфуцианских и исламских государств;

– использовать трудности и конфликты во взаимоотношениях исламских и конфуцианских стран (Huntington 1996).

Главной посылкой мондиалистов выступает положение о том, что США в современном мире остались единственной страной, которая способна проецировать свое влияние во всех четырех формах (военное, экономическое, культурно-идеологическое, политическое) на весь мир. Среди выделенных ими в мире шести геополитических регионов пятый по порядку – «мусульманский полумесяц», в который входят страны Северной Африки, Ближнего Востока, возможно, Турция, государства Персидского залива, Ирак, Иран, Афганистан, Пакистан, государства Средней Азии» (Карпов 2000: 28). Наиболее дестабилизирующим фактором для мира мондиалисты считают Китай, поскольку он будет играть наиболее глобальную и активную роль.

Анализируя приоритеты американской политики в постсоветской Средней Азии, представитель этого направления З. Бжезинский отдает неоспоримые преимущества союзничеству с тюркоязычными государствами региона, объединенными вокруг Узбекистана. Осенью 2001 г. в связи с запланированной антитеррористической операцией в Афганистане США и их союзники по НАТО избрали именно Узбекистан местом расположения большинства военных баз: в Кокайты (близ г. Термеза) и в Ханабаде (близ г. Карши) (Ходаренок 2002).

Большие опасения у З. Бжезинского вызывает геополитическая ориентация ираноязычных стран и народов Среднего Востока. Прежде всего это относится к американской оценке позиции Ирана, с 1980 г. причисленного США к разряду «террористических государств». В геополитически «неблагонадежные» для Бжезинского попадает и Таджикистан. Более того, для американского геополитика само распространение ираноязычного населения в регионе является дестабилизирующим фактором: «Этническая ситуация еще более осложняется из-за многочисленного присутствия таджиков в районах на границах страны, в северо-восточном Афганистане. Фактически в Афганистане проживает столько же этнических таджиков, сколько в Таджикистане, это еще один фактор, способствующий ослаблению региональной стабильности» (Бжезинский 1998: 159).

Характеризуя в целом геополитическую оценку Среднеазиатского региона американскими специалистами, можно привести мнение заместителя Государственного секретаря США в первой администрации Дж. Буша-младшего Струба Тэлбота относительно основных ориентиров и желательных перспектив в развитии ситуации: «Геополитические последствия (развала СССР. – В. Д.) для Америки очевидны: Америка слишком далеко расположена, чтобы доминировать в этой части Евразии, но слишком сильна, чтобы не быть вовлеченной в события на этом театре. Все государства данного региона рассматривают американское участие как необходимое для своего выживания. Россия чересчур слаба, чтобы восстановить имперское доминирование над регионом или исключить других действующих лиц из его судьбы, но она слишком близко расположена и слишком сильна, чтобы ею пренебрегать. Турция и Иран достаточно сильны, чтобы оказывать влияние, но их собственная уязвимость могла бы помешать региону справиться одновременно и с угрозой с Севера, и с внутрорегиональными конфликтами. Китай слишком силен, и его не могут не опасаться Россия и государства Средней Азии, тем не менее, само его присутствие и экономический динамизм облегчают реализацию стремления Средней Азии к выходу на более широкую мировую арену.

Отсюда следует вывод, что первостепенный интерес Америки состоит в том, чтобы помочь обеспечить такую ситуацию, при ко-

торой ни одна держава не контролировала бы данное геополитическое пространство, а мировое сообщество имело бы к нему беспрепятственный финансово-экономический доступ. Геополитический плюрализм станет устойчивой реальностью только тогда, когда сеть нефтепроводов и транспортных путей соединит регион непосредственно с крупными центрами мировой экономической деятельности через Средиземное и Аравийское моря так же, как и по суше. Следовательно, усилия России по монополизации доступа требуют отпора как вредные для стабильности в регионе» (Тэлбот 1997).

События 11 сентября 2001 г. и последовавшая за этим военная операция США и других западных стран в Афганистане усилили американские позиции в регионе: «Ставки в Центральной Азии, бесспорно, высоки. В регионе, который всего десять лет назад входил в Советский Союз, у Соединенных Штатов теперь тысячи американских военнослужащих, работающих вместе со своими центрально-азиатскими коллегами. Мы полагаемся на эти правительства при обеспечении безопасности и благополучия. Сейчас наша страна связана с этим регионом узами, которые мы и представить не могли до 11 сентября. Наша политика в Центральной Азии должна включать в себя приверженность более глубокому и лучше скоординированному взаимодействию по всему спектру вопросов, в котором мы соглашаемся и расходимся. Когда этот конфликт завершится, мы не уйдем из Центральной Азии» (Джеймс 2001).

Таким образом, в ближайшее время можно прогнозировать усиление позиций сил талассократии в регионе (прежде всего США), что неминуемо приведет здесь к диверсификации геополитической ориентации стран региона и как следствие – обострению военно-политической ситуации.

Китай является вторым по мощи после США геополитическим центром силы, вступившим в борьбу за влияние на государства Средней Азии после распада СССР. По своему статусу ядерной державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН КНР принадлежит к крупнейшим акторам геополитики не только в Азии, но и в мире в целом.

Главным вопросом геополитического влияния Китая в Средней Азии остается создание здесь стабильной системы безопасности, обеспечивающей стране возможность сконцентрировать основные силы на главном для нее направлении – в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Однако КНР планирует постепенное замещение в регионе геополитической роли России. Абсолютно недопустимым для Китая является усиление здесь позиций США (что воспринимается как «окружение»), а также приход к власти экстремистских исламских и пантюркистских режимов. Исходя из этого, можно считать Китай эвентуальным теллурукратическим союзником как для России, так и для акторов континентальной ориентации в Средней Азии и на Среднем Востоке в целом.

Исламская Республика Иран является крупнейшей региональной державой Среднего Востока. Особая роль этой страны в регионе связана со многими историческими, экономическими, культурными и политическими факторами. В географическом плане Иран занимает стратегически важное положение между Каспийским морем, Кавказом и Индийским океаном, отделяя собой арабский и тюркский миры. К этому добавляется и своеобразная идеологическая составляющая: Иран является генератором и основным «носителем» одного из двух крупнейших течений ислама – шиизма. В конце 70-х гг. XX в. шиитское духовенство этой страны подготовило и осуществило «консервативную» революцию, превратив страну в теократическое государство, само существование которого стало жестким идеологическим и политическим вызовом западному, технократическому пути развития цивилизации (Специальный выпуск... 2000).

После 1991 г. геополитические интересы Ирана в регионе можно условно разделить на два главных направления: экономическое и идеологическое. Первое из них в основном связано с реализацией комплекса сложных международных проблем вокруг запасов углеводородного сырья в бассейне Каспийского моря. Иран благодаря своему географическому положению способен получить колоссальную выгоду от транзитных пошлин даже только за перекачиваемые через его территорию нефть и газ из стран Средней Азии к берегам Персидского залива либо от реэкспорта из тех же стран

этих продуктов, доставляемых через Каспий в порт Энзели. В связи с этим США постоянно предпринимают дипломатические усилия для срыва планов ИРИ в этой области. Однако Ирану удалось на протяжении 90-х гг. организовать постоянный реэкспорт казахской нефти, а также реализовать осуществление железнодорожного варианта «Шелкового пути», установив трансконтинентальное сообщение, являющееся альтернативой Транссибирской магистрали.

Огромный геополитический интерес представляет и другой иранский транспортный проект – водный. В начале 1990-х гг. запроектирован евразийский судоходный канал Каспий – Персидский залив. С российской помощью канал намерены построить к 2015 г. (Балиев 1998).

Особо следует подчеркнуть участие Ирана в процессе межтаджикского урегулирования, происходившего в 1993–1997 гг. при посредничестве российской и иранской стороны. Результат межтаджикского урегулирования не ограничивается границами Таджикистана, а имеет огромное геополитическое значение для всего региона Центральной Азии. Ликвидация главного очага вооруженного противостояния в Среднеазиатском регионе, приведшая к консолидации ираноязычного этноса, значительно укрепляет позиции теллурократических сил на юге Евразии.

В условиях, сложившихся в регионе Средней Азии после сентября 2001 г., Иран начал терять наработанные за постсоветский период позиции, уступая их влиянию США и их западным союзникам. Проявляя в этих условиях гибкость, Иран все более диверсифицирует формы своего геополитического союзничества. Альтернативой силовых геополитических осей «Москва – Ереван – Тегеран» и «Москва – Душанбе – Тегеран» в среднесрочной перспективе может быть и создание оси «Тегеран – Пекин» (Дубовицкий 2002а; 2002б). В этом случае теллурократическая направленность политики Ирана в регионе сохранится по-прежнему, однако это приведет к замещению здесь геополитического влияния России влиянием блока ее союзников на юге Евразии.

Характеризуя современную российскую геополитическую мысль и геостратегию страны в отношении Средней Азии, можно сделать вывод, что для консенсусной модели, являющейся домини-

рующей в государственной политике России с 2002 г., регион занимает очень важное место. В отношениях с ближним зарубежьем, строящихся по принципу «концентрических кругов», взаимодействие с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном находится во «втором круге» (после отношений с Белоруссией). При этом если отношения с Казахстаном и Киргизией рассматриваются в России прежде всего как поле экономического партнерства, то взаимоотношения с Таджикистаном носят в первую очередь характер военно-политического партнерства, где Республика Таджикистан видится как ключевое звено во взаимоотношениях со всем Средним Востоком (Геополитическое положение... 2000: 37).

Во взаимоотношениях с двумя другими среднеазиатскими странами – Узбекистаном и Туркменистаном, находящимися в «третьем круге» российской политики в странах СНГ, существуют значительные сложности. Особенно это касается позиции Узбекистана, все более претендующего на роль регионального лидера в Средней Азии. Взаимоотношения с Туркменистаном в последние годы имеют тенденцию к ухудшению и будут зависеть от результатов раздела углеводородных запасов Каспия и путей транспортировки нефти и газа из региона.

В значительной степени на взаимоотношения России и стран Средней Азии повлияли события, связанные с проведением в Афганистане антитеррористической операции. В связи с тем, что Российская Федерация не проявила в регионе своей четко выраженной позиции, здесь появилось несколько военных баз стран НАТО и их значительные воинские контингенты. Военное присутствие этого блока в Центральной Азии имеет тенденцию к расширению и закреплению на длительное время, что создает прямую угрозу национальной безопасности России. Однако события в ряде стран СНГ на протяжении 2004 г., известные как «бархатные революции», вызвали отрезвление у политического руководства Узбекистана и требование к США ликвидировать их военные базы в этой стране (Иванов, Плугатарев 2005).

Основным фактором, влияющим на формирование геополитической позиции России в отношении Таджикистана в период 1991–

2002 г., стал системный кризис, происходивший в регионе Среднего Востока с конца 80-х гг. XX в. и отразившийся на Таджикистане как его составной части в большей степени, чем на других бывших советских республиках Средней Азии именно в силу его уникального геополитического положения.

Ситуацию, сложившуюся во взаимоотношениях России и Республики Таджикистан с момента распада СССР до начала гражданской войны в Таджикистане (май 1992 г.), можно объяснить состоянием политической инерции 75-летнего пребывания в составе мощного унитарного государства. В этих условиях внешнеполитические шаги делались в значительной степени рефлекторно, часто не совпадая с идеологическими установками тех сил, которые находились у власти в этот период. С ноября 1992 г. межгосударственные отношения России и Таджикистана вступили в новый исторический этап. Продолжавшаяся гражданская война обусловила приоритетное развитие военно-политических отношений, что является типичным фактом в российско-среднеазиатских отношениях в периоды политической нестабильности в регионе на протяжении XIX–XX вв. Их правовой базой стал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, подписанный 25 мая 1993 г. и регулировавший пребывание на территории республики частей и соединений МО России и ее пограничных войск. Это способствовало изоляции гражданского конфликта в Таджикистане от воздействия экстремистских политических сил соседнего Афганистана. Помимо этого в 1993 г. для нормализации внутривосточного положения в стране был создан Контингент миротворческих сил (КМС), куда вошли воинские формирования Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Российской Федерации. КМС просуществовал до сентября 2001 г., сыграв важную роль в межтаджикском урегулировании. Одним из важнейших шагов в формировании новой системы геополитических взаимоотношений России и Таджикистана стала инициатива и активное участие России в урегулировании межтаджикского конфликта в период 1993–1997 гг.

Исторический опыт межтаджикского урегулирования уникален: в его ходе был достигнут наибольший прогресс по сравнению со всеми конфликтами на территории СНГ (Белов 1999: 3).

В настоящее время на территории Таджикистана находится военная база Министерства обороны России и объект Космических войск России «Окно».

Второй по важности составляющей системы нового геополитического взаимодействия России и Таджикистана стали экономические отношения. Уровень этого направления сотрудничества до начала 2004 г. существенно отставал от военно-политического взаимодействия двух стран, что не раз подчеркивалось как исследователями, так и официальными представителями обоих государств. Последние полтора года благодаря усилиям широкого круга политических, экономических и общественных организаций как в России, так и в Таджикистане достигнут настоящий прорыв в уровне экономических связей: крупнейшие российские компании «РУСАЛ» и РАО «ЕЭС России» вкладывают более 2,5 млрд долларов в строительство Рогунской и Сангтудинской ГЭС. Реализуется ряд крупных проектов и в других областях.

Характерной чертой социально-экономического развития Таджикистана стала трудовая миграция. По разным оценкам, ежегодно в целях заработка из республики выезжает от 400 тыс. до 1,5 млн человек, при этом подавляющая часть – 84 % – в Россию (Боск, Олимова 2003). По разным оценкам, благодаря занятости значительной части граждан Таджикистана за рубежом в страну ежегодно поступает от 400 до 900 млн долларов США. При этом бюджет страны в 2002 г. не достигал и 300 млн. Имеется мнение, что уровень трудовой миграции из Таджикистана имеет устойчивые тенденции к росту и будет по-прежнему высоким. Вместе с тем трудовая миграция привела к образованию во многих регионах России постоянных таджикских диаспор (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Астрахань), что выходит далеко за рамки чисто экономических вопросов и способствует укреплению культурных и политических контактов между двумя странами.

В ближайшие годы в отношениях России с Таджикистаном целесообразно, видимо, стимулировать развитие как транснациональ-

ных финансово-промышленных групп, так и более простых форм предпринимательского сотрудничества: консорциумов, товариществ, предприятий с иностранными инвестициями.

Крупнейшим достижением в области сохранения единого культурного пространства является открытие в 1996 г. в г. Душанбе Российско-Таджикского (славянского) университета (РТСУ). Названный вуз играет важную роль в сохранении системы непрерывного образования для русского и русскоязычного населения республики и в значительной степени служит закреплению этой категории населения в стране. Однако культурное и гуманитарное сотрудничество между Россией и Таджикистаном явно не соответствует необходимому уровню стратегического партнерства между двумя странами.

События сентября 2001 г. в США и последовавшая затем операция «Несокрушимая свобода» в Афганистане не привели к заметным изменениям во взаимоотношениях Таджикистана и России: геополитический курс на стратегическое партнерство остался неизменным.

Таким образом, в деле создания системы геополитического взаимодействия России и стран Средней Азии в постсоветский период Таджикистану принадлежит особая, ключевая роль, которая будет постоянно возрастать по мере активизации российской стратегии в регионе.

В заключение можно сделать вывод, что:

а) исторический момент начала интенсивных политических связей с регионом Средней Азии (рубеж XVII–XVIII вв.) связан в России с переходом к активной политической экспансии на Кавказско-Каспийском (1719–1723 гг.) и Среднеазиатском направлениях (1700–1717 гг.), что отвечало, с одной стороны, обеспечению государственных границ на этих направлениях, с другой – концепции выхода к бассейну Индийского океана. Хотя традиционно эту политику связывают с именем первого русского императора Петра I (Великого), инерция осуществления разработанных в период его правления планов продлилась до 1734 г.;

б) длительный период (121 год) относительно пассивной политики России в регионе был связан прежде всего с переключением

внимания страны на европейское направление, где и осуществлялись главные геополитические задачи этого периода. Среднеазиатское направление оставалось для России периферийным («резервным») и было связано в первую очередь с текущими задачами защиты степных границ от грабежей кочевников. В этот период начинают формироваться особые отношения России и Бухарского ханства – наиболее политически стабильного и крупного геополитического актора Средней Азии, имевшего в основном оседлое земледельческое население;

в) постепенная активизация политики России на среднеазиатском направлении в 40–50-х гг. XIX в. связана с переоценкой геополитической роли региона, который с момента первой англо-афганской войны 1838–1842 гг. и особенно Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. рассматривается как геостратегическое поле для создания угрозы главному геополитическому противнику России в мировой политике – Англии;

г) активное противостояние России и Англии в мировой политике после окончания Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. привело к определенной изоляции России в европейской политике, а также к затруднениям в выходе на европейские рынки. В сложившейся геополитической обстановке Россия вновь возвращается к периферийному среднеазиатскому направлению, в течение более ста лет являвшемуся резервным в государственной геополитике.

Дополнительной и наиболее очевидной причиной геополитической экспансии в Среднюю Азию становится обеспечение безопасности степной границы протяженностью около 6 тыс. км. Совокупность этих причин и геостратегические реалии обстановки в Средней Азии привели в период 1864–1895 гг. к присоединению большей части региона к России, а также политическому подчинению (протектированию) остальной ее территории. Бухарское ханство с преимущественно оседлым таджикским населением занимает привилегированное положение в системе взаимоотношений России с регионом.

Выход России в Средней Азии на границы 1895 г. фактически прекратил экспансию талассократических сил в центр Евразийского континента вплоть до 1991 г.;

д) в советский период в рамках фактически унитарного государства Средняя Азия играла в основном роль глубокого тыла и сырьевой базы СССР. Лишь в период 1919–1929 гг. регион становится плацдармом активной геополитической экспансии СССР на Среднем Востоке;

е) развал Советского Союза в декабре 1991 г. привел к перестройке геополитических взаимоотношений России и государств Средней Азии. Рядом стран региона (Узбекистан, Туркменистан) предпринята попытка кардинальной смены геополитической ориентации, что является делом гораздо более затруднительным и опасным, чем это представлялось элитам названных государств. Однако большинство государств региона за 11 лет независимого развития достаточно определенно обозначили приверженность прежней теллуροкратической ориентации. Именно этими государствами совместно с Российской Федерацией на протяжении упомянутого периода предпринимаются усилия для достижения нового уровня интеграции (ЕврАзЭС; ОДКБ и др.).

Особую роль в этом процессе играет Республика Таджикистан. Ее географическое положение, природные богатства, единственная среди стран региона принадлежность к иранскому миру делает это государство уникальным геополитическим партнером России на всем Среднем Востоке.

В ближайшей (5–10 лет) и среднесрочной (до 20 лет) перспективе предполагается достижение нового уровня интеграции на пространстве СНГ под лидерством Российской Федерации. В Средней Азии в этом процессе прежде всего будут участвовать Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Неминуемо присоединение к этому процессу также Узбекистана и Туркменистана, что предполагает, однако, прохождение ими в ближайшие 5–10 лет внутреннего социально-политического кризиса, возможно, в форме государственных переворотов и гражданских войн. Вероятность и сроки названных социальных конфликтов напрямую связываются с интенсивно-

стью политики США на Среднем Востоке в эти же годы и степенью вовлеченности Узбекистана и Туркменистана в таласократическую экспансию в этом регионе.

В соперничестве среди основных внешних геополитических акторов в регионе – России, США, Китая, Ирана – главную роль, без сомнения, будет играть противоборство двух первых из них. Проводимая в Средней Азии политика США не учитывает исторические особенности развития, культурное своеобразие и многие другие компоненты сущности государств региона и представляет собой внедрение достаточно примитивной клиентской системы.

По мнению ведущих российских экспертов, внешняя политика Российской Федерации, в том числе и в Средней Азии, имеет немало недостатков, в том числе неразработанность генеральной концепции и негибкость средств проведения политических решений. Что касается центрально-азиатских стран СНГ, то за влияние на этом пространстве, за гегемонию борьба продолжится. Ее прологом может стать борьба за Туркмению. Здесь у РФ и США начинают вызревать принципиально разные подходы. Большие сложности у нас пока в Таджикистане. Наиболее спокойным в плане конкуренции между Москвой и Вашингтоном кажется Казахстан. Но движение к ЕЭП, инициатором которого был Казахстан, вызывает в США очень сильное раздражение. Поэтому не исключаю, что уже в будущем году американцы найдут какую-то проблему между Россией и Казахстаном, чтобы поссорить две страны. Самое важное, чего Россия сейчас может достичь на постсоветском пространстве, – быстро пройти путь сближения с Казахстаном, чтобы мелкие разногласия уже не могли разрушить этот альянс.

Основной задачей дальнейшего выстраивания системы геополитического взаимодействия России и государств Средней Азии в краткосрочной и долгосрочной перспективе должна стать выработка целей и задач в системе национальных интересов всех перечисленных государств относительно процесса интеграции. В качестве обобщенности итоговой оценки выполненной работы можно констатировать, что система геополитических взаимоотношений России и государств Средней Азии, последовательно сформировав-

шаяся в период 1700–2005 гг., представляет собой в настоящее время устойчивый комплекс военно-политических, экономических и культурных связей, имеющий тенденцию к дальнейшему устойчивому развитию.

Литература

Абылхожин, Ж. Б., Бурханов, К. Н., Кадырбаев, А. Ш., Султанов, Т. И. 1998. *Страна в сердце Евразии. Сюжеты по истории Казахстана*. Алматы: Казак университети.

АВПР. Ф. 1–9. Оп. 8. Д. 6. Ч. 2. СПб. ГА.

Балиев, А. 1998. Волга впадает в Индийский океан? Большая геополитика в наших руках. *Российская газета*. 3 апреля.

Белов, Е. В. 1999. *Исторический опыт переговорного процесса по урегулированию межтаджикского конфликта (1993–1997 гг.)*: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Душанбе.

Белявский, Н. И. 1904. *Материалы по Туркестану. (Исторический очерк распространения русской власти в Средней Азии.)* СПб.: Тип. А. С. Суворина.

Бжезинский, З. 1998. *Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы)*. М.: Международные отношения.

Боск, И., Олимова, С. 2003. Трудовая миграция из Таджикистана. *Международная организация по миграции* 7.

Водопьянов, В. П. 1996. *История 6-го Оренбургского казачьего полка*. М.: Культ.-просвет. центр «Первопечатник».

Геополитическое положение России: представления и реальность / под ред. В. А. Колосова. М.: Арт-Курьер, 2000.

Геополитические проблемы ближнего зарубежья. 1993. *Элементы. Евразийское обозрение* 3.

Джеймс, Э. 2001. О политике США в Центральной Азии: «Мы не уйдём из Центральной Азии». *Бизнес и политика*. 21 декабря.

Дубовицкий, В. В.

2002а. Против кого будут дружить Иран и Китай? *Asia-Plus*. 25 апреля.

2002б. Строители новых осей. *Asia-Plus*. 17 апреля.

Дугин, А. Г. 1997. *Основы геополитики. Геополитическое будущее России*. М.: Арктогея.

Иванов, В., Плугатарев, И. 2005. Бросок Москвы в Ханабад. Шанхайская организация сотрудничества готова занять освобождаемый американцами стратегический аэродром в Узбекистане. *Независимая газета*. 9–15 сентября.

Карпов, В. В. 2000. *Геополитика*. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова.

Масов, Р. М. 1991. *История топорного разделения*. Душанбе: Ирфон.

Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия) / ред.-сост. Ю. И. Семенов. М.: Русский мир, 1997.

Постсоветская Центральная Азия. Потери и приобретения / отв. ред. А. М. Васильев. М.: Вост. лит-ра, 1998.

Серебrenников, А. Г. 1908. *Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края*: в 14 т. Т. 12. Ташкент.

Специальный выпуск к 21-й годовщине Исламской революции в Иране. 2000. *Третий взгляд* 70: 1–75.

Терентьев, М. А. 1906. *История завоевания Средней Азии*: в 14 т. Т. 1. СПб.: Типолитография В. В. Комарова.

Троцкий, Л. Д. 1990. Меморандум Льва Троцкого. *Родина* 10.

Тэлбот, С. 1997. Тэлбот рассказывает о подходе США к Кавказу и Средней Азии (администрация стремится увеличить финансирование этого региона). *Пресс-релиз выступления С. Тэлбота 21 июля в Институте Центральной Азии Университета Джона Хопкинса*. Вашингтон. ЕРГ. 305.7/23.

Ходаренок, М. 2002. Ожерелье из американских баз. Москва никак не может определиться: выгодно ли ей это или нет? *Независимая газета*. 7–14 марта.

Huntington, S. P. 1996. *The clash of civilizations and the Remaking of the World Order*. N. Y.: Simon Sohester. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.inozemtsev.ru>